

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930.2, 94(517), 94(55)
DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

**К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране
XIII–XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши
из «Дастур ал-катиб»)**

*Ленар Фиргатович Абзалов¹, Марат Салаватович Гатин²,
Ильяс Альфредович Мустакимов^{3,4}, Роман Юлианович Почекаев⁵*

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁴ Национальная библиотека Республики Татарстан (д. 86, ул. Пушкина, 420060 Казань, Российская Федерация)
ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁵ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 17, ул. Промышленная, 198099 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье на основе ярлыка из персидского средневекового трактата «Дастур ал-катиб» выявляются принципы использования монгольского языка в делопроизводстве Ирана XIII–XIV в. *Цели и задачи исследования.* Целью исследования является междисциплинарный анализ исторического памятника — ярлыка о назначении на должность старшего писца (бахши), включенного в состав сочинения «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в середине XIV в. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником финансового ведомства в эпоху правления последних Хулагуидов и первых Джалаиридов.

Задачами исследования являются: 1) перевод на русский язык текста исследуемого документа; 2) характеристика данного документа как ценного памятника по истории государственности, права и канцелярской культуры монгольского Ирана; 3) анализ ярлыка как официального актового документа и как источника права; 4) выявление на основе проведенного анализа правового статуса монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляет, в первую очередь, сам исследуемый ярлык, а также другие материалы из сочинения «Дастур ал-катиб», иные средневековые источники о монгольском Иране и других государствах Чингизидов, в том числе сочинения Рашид ад-Дина, Вассафа и др., актовые материалы средневековых чингизидских канцелярий. При исследовании авторы опирались на исторические и юридические методы — источниковедческий, дипломатический, сравнительно-исторический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. *Результаты.* Впервые введен в русскоязычный научный оборот ярлык о назначении на должность секретаря (бахши) из средневекового персидского сочинения «Дастур ал-катиб», осуществлен его детальный междисциплинарный анализ. Выявлены особенности статуса бахши — старшего писца при дворе, переводившего на монгольский язык официальные персоязычные акты, его права и обязанности, профессиональные требования к кандидатам на эту должность, предпринята попытка идентификации конкретного лица, которое назначалось на должность данным документом. *Выводы.* Авторы приходят к выводу, что в Иране XIII–XIV в. монгольский язык имел статус официального языка в государственном делопроизводстве, широко использовался кочевыми подданными ильханов из династий Хулагуидов и Джалаиридов, включая высших сановников монгольского происхождения. Его значимость подчеркивается наличием в штате при дворе ильханов Ирана специальных чиновников, в обязанности которых входило составление официальной документации на монгольском языке для сведения представителей кочевой знати и военачальников.

Ключевые слова: монгольский Иран, ильхан, Монгольская империя, монгольский язык, официальный государственный язык, ярлык, бахши

Для цитирования: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о статусе монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 130–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

Mongolian Records Management in 13th–14th Century Iran Revisited: Analyzing One Yarliq Appointing a Bakhshi from *Dastur al-Katib*

Lenar F. Abzalov¹, Marat S. Gatin², Ilias A. Mustakimov^{3,4}, Roman Yu. Pochekaev⁵

¹ Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata@mail.ru

³ Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁴ National Library of the Republic of Tatarstan (86, Pushkin St., 420060 Kazan, Russian Federation)

Senior Research Associate

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007@mail.ru

⁵ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya St., 198099 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines a *yarliq* from *Dastur al-Katib* (14th c. CE) and attempts to an insight into the principles of using the Mongol language in the 13th–14th century Persian records management system. *Goals.* The study provides an interdisciplinary analysis of the historical monument — a *yarliq* appointing a *bakhshi* (senior scribe) included in *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe’s Guide to Determining Ranks) compiled in the mid-14th century by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani, a financial statesman under the late Hulaguids and early Jalairids. To facilitate this, the paper shall: 1) translate the examined document into Russian, 2) characterize the latter as a valuable source on history of state, law and chancellery culture of Mongol Iran, 3) analyze the *yarliq* as an official act and a source of law, 4) identify the legal status of the Mongolian language in 13th–14th century Iran. *Materials and methods.* The study explores the *yarliq* proper and other materials of *Dastur al-Katib*, additional medieval sources on Mongol Iran and Genghisid states, including works by Rashid al-Din, Wassaf, etc., official documents of Genghisid chancelleries. The work employs a series of historical and legal research methods, such as those of source criticism, diplomatics analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal and comparative legal analyses. *Results.* The paper introduces the *yarliq* appointing a secretary (*bakhshi*) from the medieval Persian treatise titled *Dastur al-Katib* into Russian-language scientific discourse and supplements it with a detailed interdisciplinary analysis. The work clarifies specific features of a *bakhshi*’s legal status as a senior scribe responsible for translating official edicts from Persian into Mongolian, his functions, rights, requirements for candidates. An attempt to identify the person to have been appointed scribe therein was made. *Conclusions.* The works concludes Mongolian had a status of the official language in records management system of Iran throughout the late 13th and 14th centuries, the former having been extensively used by nomadizing subjects of Hulaguid and Jalairid Ilkhans, including top-rank executives of Mongolian descent. This was reflected in the appointment of a special official responsible for articulating legal and other documents into Mongolian for nomadic elites and warlords. However, to extrapolate this conclusion onto other Genghisid states it is necessary to compare the researched document and additional information on Mongol Iran with similar sources from other heirs of the Mongol Empire, such as the Golden Horde, Chagatai Ulus, etc.

Keywords: Mongol Iran, Ilkhan, Mongol Empire, Mongolian language, official language, *yarliq*, *bakhshi*

For citation: Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Mongolian Records Management in 13th–14th Century Iran Revisited: Analyzing One *Yarliq* Appointing a *Bakhshi* from *Dastur al-Katib*. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(1): 130–155. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

...Потому что он мог читать монгольские тексты, написанные уйгурским письмом, а это в наш век стало основой учености и всяческих умений.

Ата-Малик Джувейни

Введение

В процессе завоевания и установления своей власти на Среднем Востоке и в Средней Азии потомки Чингис-хана столкнулись с государствами и народами, обладавшими более древними традициями государственности, права и культуры. Неудивительно, что многие нормы выстраивания властных, правовых, делопроизводственных отношений, привнесенные монгольской правящей элитой в Иран, Хорезм, Поволжье и др., в сравнительно быстрые сроки стали сочетаться с местными, более древними и более развитыми традициями, включая языковые. Соответственно, при взаимодействии с оседлым населением, в том числе путем издания соответствующих нормативных актов и иных официальных документов в Иране в эпоху Хулагуидов (1261–1353), потомков Чингис-хана, и сменивших их Джалаиридов (1356–1431) стал широко применяться персидский язык. Однако это не означало, что монгольский язык был забыт и вытеснен из обращения: значительная часть кочевого населения монгольского Ирана, составлявшая основу вооруженных сил ильханов из родов Хулагуидов и Джалаиридов, по-прежнему пользовалась им, что должно было учитываться властями в их правовой политике и управленческой деятельности. Исследователи, отмечавшие сохранение использования монгольского языка в Иране исследуемого периода в качестве официального, до сих пор опирались на отдельные сохранившиеся монгольскоязычные документы, а также на краткие упоминания в нарративных источниках. Авторы данной статьи вводят в русскоязычный научный оборот официальный документ — ханский ярлык, официально подтверждающий признание монгольского языка в Иране конца XIII–XIV в. в статусе государственного.

История вопроса

Сочинение «Дастур ал-кадиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») было составлено Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани (1293–1376), который являлся потомственным чиновником на службе у правителей Ирана XIV в. — поздних Хулагуидов и первых Джалаиридов¹. По некоторым сведениям, он также являлся ученым, автором толкового словаря персидского языка «Сихах ал-фурс», а также ряда поэтических произведений [Гулиев 2009; Mamedova 2016: 100–104].

Сочинение «Дастур ал-кадиб» было написано на основе богатого профессионального опыта автора, вероятнее всего, во второй половине XIV в., предположительно в 1360-х гг., и посвящено Шейх-Увейсу, основателю династии Джалаиридов [Пириев 1988: 197; Roemer 1952: 15].

Сочинение состоит из двух частей, первая из которых посвящена вопросам

¹ Вслед за В. В. Бартольдом, мы считаем более правильным для обозначения правившей частью Хулагуидской державы династии выходцев из монгольского племени джалаир использовать термин «Джалаиры», а не утвердившийся в историографии термин «Джалаириды» [Бартольд 1968: 365, прим. 2].

сельского хозяйства и налогообложения в Монгольском Иране и смежных государствах Ближнего и Среднего Востока. Второй том содержит несколько сотен образцов указов (ярлыков) хулагуидских и джалаирических правителей о назначении различных должностных лиц, при этом в ряде случаев дается краткая авторская характеристика таких должностей, о которых он был весьма хорошо осведомлен [Нахчивани 1976: 11]. Исследователи считают «Дастур ал-кадиб» весьма ценным источником по истории средневекового Ирана, а также и других государств Чингизидов.

Первым исследователем, введшим в научный оборот ряд образцов ярлыков из «Дастур ал-кадиб», был австрийский дипломат и востоковед Й. фон Хаммер-Пуршталь (см. подробнее: [Гатин 2009: 17–22]). Являясь автором работ по истории государства ильханов, Крымского ханства [Hammer-Purgstall 1842; Hammer-Purgstall 1843; Hammer-Purgstall 1856] и др., российским специалистам он известен, прежде всего, как автор первой научной монографии по истории Золотой Орды, в качестве приложения к которой, собственно, и были опубликованы его переводы на немецкий язык упомянутых документов из «Дастур ал-кадиб» [Hammer-Purgstall 1840: 463–516]: по мнению автора, сходства в государственном устройстве и системе управления Монгольского Ирана и Улуса Джучи давали основания использовать эти акты как источник по истории золотоордынских органов власти и чиновничества. Как известно, «История Золотой Орды в Кипчаке. Монголы в России» Й. фон Хаммера-Пуршталья подверглась крайне негативной оценке со стороны Императорской Российской академии наук, на конкурс которой работа была подана. В связи с этим в течение длительного времени его работа оставалась не востребовавшейся со стороны отечественных специалистов. Тем не менее рассмотрение образцов ярлыков из сочинения Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани как возможного источника по истории Золотой Орды было поддержано и другими исследователями, в частности В. В. Бартольд [Бартольд 1968: 365] и А. Ю. Якубовским [Треков, Якубовский 1950: 127–129, 135–136], которые, впрочем, ограничились лишь констатацией такой возможности.

К изучению «Дастур ал-кадиб» в разное время обращались и другие специалисты-востоковеды, осуществляя перевод отдельных фрагментов этого сочинения. Так, известный российский востоковед В. Г. Тизенгаузен осуществил перевод образцов первых тринадцати ярлыков, включенных в это сочинение [Тизенгаузен], однако его перевод остался в черновом варианте, с множеством исправлений, свидетельствующих о том, что эта работа так и не была завершена — неслучайно выдержки из «Дастур ал-кадиб» так и не вошли во второй («персидский») том его «Сборника материалов по истории Золотой Орды» [СМИЗО 1941: 7–8].

Один из образцов ярлыка и выдержки из нескольких других были опубликованы в оригинале и русском переводе П. М. Мелиоранским [Мелиоранский 1900: 017–020]. С. О. Хатиби в своей монографии, подготовленной на основе диссертационного исследования, перевел ряд разделов из «Дастур ал-кадиб» [Хатиби 1985: 4–116].

Отдельные термины, используемые в сочинении, были проанализированы В. З. Пириевым [Пириев 1988]. Фрагменты из этого сочинения также включил

в свое исследование о Чингис-хане и его потомках современный петербургский востоковед Т. И. Султанов [Султанов 2017: 83].

Критический текст сочинения Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани был опубликован А. А. Али-заде [Нахчивани 1976], однако исследователи до сих пор не привлекают его в столь широкой степени, которой оно, несомненно, заслуживает. Авторы данной статьи намерены хотя бы отчасти восполнить этот пробел и провести комплексный, многоаспектный анализ ряда документов из «Дастур ал-катиб», при этом взяв за основу те образцы, которые в свое время опубликовал в немецком переводе Й. фон Хаммер-Пуршталь, — как наиболее репрезентативные и, рискуем предположить, способные служить источником по истории не только Монгольского Ирана, но и других государств Чингизидов. Именно поэтому, отдавая должное заслугам австрийского востоковеда, мы сочли целесообразным включить в исследование не только современный перевод ярлыков с оригинала (по публикации А. А. Али-Заде), но и впервые дать русские переводы документов с публикации самого Хаммер-Пуршталья.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании предпринимается попытка выяснения статуса монгольского языка в Иране конца XIII–XIV в., т. е. эпохи последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Соответственно, основным источником для исследования является ярлык из «Дастур ал-катиб» о назначении на должность бахши — специального чиновника, в обязанности которого входил перевод официальных актов ильханской канцелярии с персидского языка на монгольский. В качестве дополнительных источников привлекаются сочинения средневековых авторов о Монгольском Иране и соседних тюрко-монгольских государствах (Золотой Орде, Чагатайском улусе), а также образцы актовых материалов из средневековых чингизидских канцелярий, позволяющие провести сравнительный анализ канцелярских традиций разных государств — наследников Монгольской империи.

Междисциплинарный характер исследования обусловил участие в проведении исследования специалистов по истории, источниковедению, дипломатике, истории государства и права, равно как и использование различных методов исследования. К числу последних следует отнести, в частности, источниковедческий метод, который позволяет провести общий анализ исследуемых исторических (историко-правовых) памятников, причин и обстоятельств их появления, дипломатический анализ позволяет изучить структуру и основные элементы исследуемого документа, сопоставить его с другими средневековыми актовыми материалами. Сравнительно-исторический метод обеспечивает сопоставление условий развития государств Чингизидов, степень влияния в них монгольских и местных (тюркских, персидских, среднеазиатских) традиций, включая особенности языковой политики. Формально-юридический подход позволяет провести подробный анализ изучаемого ярлыка, выделив информацию о правовом статусе как чиновника, которому посвящен документ, так и о значении монгольского языка в государственной жизни Ирана конца XIII–XIV в. Историко-правовой метод обеспечивает лучшее понимание специфики правотворческой и, в целом, государственной деятельности поздних Хулагуидов и ранних Джалаиридов. Сравнительно-правовой подход позволяет выявить общие и специфические черты отдельных направлений политики в Монгольском Иране и современных ему других государствах Чингизидов.

Перевод документа

О языках делопроизводства в чингизидских канцеляриях

При Чингис-хане монгольский язык становится языком делопроизводства.

Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала
[Hammer-Purgstall 1840: 470–472]¹

Грамота [ярлык] монгольскому секретарю (катибу), первый [образец]
Безграничной милостью всемогущего Бога (чь величие должно превозноситься, а имя — благословляться!) земли Ирана стали нашими владениями; а Наша воля, словно высоко порхающая птица счастья (Хумай²), парит как над всеми нижайшими, так и над высокопоставленными подданными и как над дальними, так и над близлежащими землями, над всеми ними простирается всякая милость; Мы достигли такой степени совершенства правления, что каждый народ получает написанные на своем собственном языке повеления для лучшего их понимания. Поэтому в священный город Багдад³ и в другие города Ирака отсылаются распоряжения на арабском языке, персидским народам в персидском Ираке⁴ и в Фарсе даются на персидском, также монголам и тюркам на их языках и на их письме, для того чтобы они легко могли понять их. Теперь, когда Эзук-бахши стал вашим самым старшим писцом (бахши) и секретарём (битикчи), постоянно находящийся в услужении у могущественных султанов и знаменитых королей для написания монгольских распоряжений их диванов, и так как он исполняет свои обязанности очень добросовестно, показывая

¹ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

² Хумай (Умай, Хомай) — в иранской, тюркской и арабской мифологии — птица, предвещающая счастье.

³ Рядом с Багдадом находится Самарра — священное место для шиитов — усыпальница двух имамов: Али аль-Хади и Аскари.

⁴ Персидский Ирак (Ирак-и Аджам, Ирак ал-Аджам) — средневековое обозначение области на западе современного Ирана. Персидский Ирак граничил на юге с Фарсом и Хузестаном, на западе — с Арабским Ираком, на севере — с Азербайджаном.

Перевод с оригинала
[Нахчивани 1976: 39-43 араб. паг.]¹

О вверении должности писца указов на монгольском языке бахшия Вид первый

Поскольку [нас] коснулись совершенные милости и благодеяния Вечного и Великого [Бога] — да не иссякнут блага Его и да святятся имена Его! — и области Ирана перешли в сферу [нашего] владения и обладания, все [наши] государевы помыслы [о благе подданных] охватили все сословия рабов [Божьих] вплоть до самых отдаленных областей и провинций, и относительно их [подданных] воспоследовали [наши] многие милости и пожалования. Одним из этих мероприятий² мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности³ Ирака Арабского⁴ издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибалья⁵ (جبال) и провинции Персии (فارس) должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке. Поскольку Урук⁶-бахши [происходит] из их⁷ старинных и знаменитых бахшиев и битикчиев, и он постоянно находился на службе у счастливых султанов и славных

¹ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

² Букв. «искусств, ремесел» (صنایع)

³ بلاد. Возможный перевод: «города».

⁴ Ирак Арабский — историческая область, включающая большую часть современного Ирака.

⁵ Джибаль — Ирак Персидский.

⁶ اوروک. В двух из шести списков, использованных А. А. Али-заде: اروک (Урук~Эрук). В одном из списков, использованных А. А. Али-заде: ازوک (Узук~Эзук).

⁷ Т. е. монголов и тюрков.

надёжность, богобоязненность, прямоту слова и ясность письма, благочестие, отсутствие алчности: то, исходя из всего этого, писцом монгольских приказов назначен он [т. е. Эзук-бахши], чтобы он возглавлял ведомство согласно положенным и признанным обычаям, дабы он подготавливал бумаги и формуляры для эмиров и везирей, чтобы набело переписывал без ошибок, дабы содержание приказов и грамот областным эмирам, тысячникам, сотникам, десятникам и другим давалось на их оборотной стороне немногословными выражениями таким образом, чтобы не было упущено важного, а также чтобы с первого взгляда была ясна суть содержания. Если кто-то из монголов или из знати — тот, кто сошел с пути справедливости закона (ясы) и заповедей (ясак), будет требовать от него [т. е. Эзук-бахши] составления грамоты, то такому в этом нельзя помогать, если же он будет на этом настаивать, он [т. е. Эзук-бахши] должен сообщить [об этом] высочайшему двору, дабы этим получить милость; он не должен не замечать и упускать из вида самые небольшие мелочи этой важной службы, чья скрупулёзная работа должна обеспечить процветание монголов, с тем чтобы ему оказывалась и день ото дня росла бы щедрость, ради получения им определенной награды и пожалования (суюргамиши). Таким образом, волей всемогущего Бога именно поэтому это распоряжение вступает в силу, дабы тем самым эмиры и везири, руководители великого дивана, областные эмиры, тысячники и сотники, наместники в землях, все воины и сельские жители хорошо оберегаемых стран с этого дня Эзук-бахши признавали секретарём монгольских приказов, к нему обращаться и никто не имеет права вмешиваться во всех случаях, которые связаны с этим важным делом и с этой высокой должностью; вносимая вами плата за письмо должна передаваться ему без [какого-либо] вычета; если он в силу глубокой старости не будет в состоянии присутствовать время от времени на заседаниях дивана, или же не сможет самостоятельно писать распоряжения,

государей, занимаясь в их канцеляриях составлением монгольских указов¹, должным образом владея правилами и тонкостями этого [дела] занимался написанием [указов на монгольском языке], сделал облачением своей судьбы надёжность, набожность, правдивость слов, точность письма, богобоязненность и отсутствие алчности, заведывание делом написания монгольских указов препоручается ему. Пусть явит на этой должности неизменно присущую ему непоколебимость. Пусть по получении черновых списков [наших] повелений, [составленных] эмирами и везирами, просмотрев [их] с начала с совершенным вниманием и по тщательном обдумывании, переписывает набело, соблюдая меры предосторожности. Содержание указов, написанных эмирам областей (اولىك), туменов, тысяч, сотен и другим [адресатам] по разным делам, пусть записывает на обороте ярлыков в сокращенных выражениях так, чтобы ни одна деталь из содержания указа не была упущена, дабы при ознакомлении с ним становилась понятной его суть. Если кто-либо из монголов и насильников (متغلبان)² будет склонять или принуждать его к написанию того, что несовместимо с [соблюдением] справедливости, ясы и ясака (ياسا و ياساق) (معذلت و معدلت), он не должен придавать значения их словам; если же они не прислушаются [к его доводам], пусть доложит [об этом] нашему величеству, дабы [нами] было издано справедливое распоряжение. Пусть ни один из нюансов этого большого дела, входящего в сферу ответственности бахшиев и писцов, пишущих на монгольском языке (بخشيان و) (مغولى نويسان), не будет упущен, дабы изо дня в день [наше] благоволение ему не прерывалось, и он, если будет на то воля Аллаха Всевышнего, удостоился [наших] особых пожалований.

По этой причине сей указ эмирам, везирам, членам Великого Дивана, эмирам областей, туменов, тысяч, сотен, хакимам и мутасарифам областей, сообществу воинов и кочевников Богохранимых владений, вступающий в силу с настоящей даты, заключается в том,

¹ Т. е. указов на монгольском языке.

² Под «насильниками» здесь, очевидно, подразумеваются злоупотребляющие своей властью или влиянием немонголы.

то обращаться вам к его сыновьям, которым он доверится. Теперь, когда Эзук-бахши исполняет обязанности этой должности старательно и прилежным образом, выплачивать ему ежегодно оговорённую сумму денег из казны дивана, для того чтобы он их тратил на свои письменные принадлежности и собственные дела. Если он захочет эту сумму получать из какого-либо места или налогов (тамги) дивана, то это должно быть ему разрешено, и ему с этих мест ежегодно должно выплачиваться, не возвращая им этого дивану. Отныне по отношению к нему вменяется в обязанность выполнять предписания оказания почестей и уважения.

чтобы начиная с этой даты они признавали Урук-бахши писцом указов на монгольском языке по всем вопросам, связанным с этим большим делом и благим занятием. Пусть по всем вопросам обращаются к нему и не полагают возможным вовлекать или вмешивать кого-либо другого. Пусть ему без уменьшения и сокращения направляют оговоренную пошлину за письмоводство. Если он, вследствие преклонных лет и наступления старости, в некое время отойдет от службы в канцелярии (диوان) и составления указов, любого из его сыновей или иных [лиц], определенных им своим преемником, пусть считают заместителем, исполняющим обязанности и заступившим в должность [Урук-бахши], и в случае необходимости составления указов считают обязательным обращаться к нему. И постольку, поскольку Урук-бахши будет добросовестно выполнять указанные обязанности, пусть ему ежегодно в качестве жалования выплачивается сумма во столько-то динаров из основных поступлений Дивана, дабы он тратил ее на свои потребности. Если он захочет, пусть эта сумма будет назначена ему из какого-либо [определенного] места, откуда в диван осуществляются поступления, или из тамги¹, и ему с этих статей дохода осуществляются [прямые] ежегодные выплаты, минуя Диван. Пусть оказывают ему подобающие почести и уважение. *Пусть верят предписаниям [настоящего указа]. Писано в ...²

¹ В данном случае речь идёт о торговой пошлине.

² Эти фразы отсутствуют в двух из шести списков, использованных А. А. Али-заде.

В китайских источниках он обозначается как государственный язык. Так в «Юань ши» о Лю Мине, китайце по происхождению, ставшем влиятельным чиновником при ханском дворе, говорится, что он изучал «государственный [т. е. монгольский] язык»¹. Наряду с монгольским языком находил свое применение и тюркский язык [Нав 2014: 5]. Следует учесть, что значительная часть центральноазиатских кочевников была двуязычна [Харькова 1992: 163–164].

Таким образом, еще в эпоху Чингис-хана обнаруживается тенденция использования распространенных языков в деле организации управления Монгольского государства, а дальнейшее территориальное расширение империи приводит к необходимости внедрения в систему управления новых языков [Allsen 2007: 98, 101].

¹ В «Юань ши» в биографии Елюй Чуцая на монгольском языке указывается его прозвище «длинная борода»: «На [монгольском] государственном языке „У-ту са-хэ-ли“ означает „длиннобородый“» [Мункуев 1965: 187].

Ата-Малик Джувейни по этому поводу пишет: «Им [битикчи великого хана] помогают писцы, владеющие персидским, уйгурским, китайским, тибетским, тангутским и другими языками, поскольку куда бы ни направлялся указ, он должен быть написан с использованием языка и письма живущего там народа» [Джувейни 2004: 440], а у Рашид ад-Дина читаем: «Из всех народностей при них состояли на службе писцы, знавшие по-персидски, уйгурски, китайски, тибетски и в случае, если для какого-либо места пишут указ, писали бы его на языке и письме того народа» [Рашид ад-Дин 1960: 140].

Информацию о применении в практике делопроизводства наиболее распространенных языков можно обнаружить и в «Дастур ал-катиб»: «Одним из этих мероприятий¹ мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности² Ирака Арабского³ издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибаля и провинции Персии должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке» (см. также: [Тизенгаузен: 226; Пириев 1988: 200].

Монгольские власти, для повышения эффективности управления, как правило, дублировали свои указы на языках, доступных большинству населения. В одном из указов великого хана Хубилая от 1269 г. по этому поводу говорится: «С настоящего момента во всех Императорских эдиктах следует параллельно писать новыми монгольскими знаками, и по обычаю каждый прибавляет к нему письмо своего государства» [Зограф 1984: 12].

В случае подготовки письменного послания писцы чингизидских канцелярий — битикчи, строго следили за тем, чтобы оно было правильно переведено [Карпини 1997: 81; Языков 1825: 245–247].

Но в то же время есть определенные основания говорить о том, что переводы практиковались не во всех случаях. Например, монгольское послание венгерскому королю Беле IV не было сопровождено переводом. Но в этом случае письмо королю было направлено вместе с монгольским посланником, владевшим шестью (!) языками [Аннинский 1940: 81].

В московском царском архиве, по данным описи, составленной в 70-х гг. XVI в., на хранении находился ящик (в описи под № 148) с золотоордынскими документами («дефтери старые от Батые и от иных царей»), которые были не переведены [Описи царского архива 1960: 32; Усманов 2009: 661].

А. А. Бобровников эти сведения дополняет данными по ханским ярлыкам, выданным русскому духовенству: «Собиратель ярлыков, данных нашим митро-

¹ Букв. «искусств, ремесел» (صنایع)

² بلاد. Возможный перевод: «города».

³ Ирак Арабский — историческая область, включающая большую часть современного Ирака. Рашид ад-Дин пишет о выдаче ханом Газаном ярлыков с тамгой на арабском языке для правителя сирийского города Рахбы Алям ад-Дина Гитми: «Относительно дел и занятий Гитми, [его] сыновей, тамошних набов, казиев и служилого люда и безопасности жителей города, крепости и области были написаны по-арабски нерушимые указы и, снабженные тамгой, вручены им» [Рашид ад-Дин 1946: 195].

политам, замечает: „Мнози же суть, но иных не возмохом превести за неудобь познаваемую речию писано была“» [Бобровников 1861: 15].

Отсутствие переведенных на русский язык документов может также объясняться тем, что в Москве могли находиться писцы, владевшие «татарским» языком и переводившие ярлыки на русский язык, но в силу каких-то причин эти противни не сохранились. Об этом может свидетельствовать и последующая практика дипломатической переписки Москвы и джучидских государств, когда послания и письма крымских ханов и иных правителей переводились переводчиками Посольского приказа.

В государстве Хулагуидов, являвшемся частью Монгольской империи, складывается сходная ситуация, но если в Юаньском Китае преобладающим языком был китайский, в улусах Чагатай и Джучи — тюркский, то во владениях ильханов таковым был персидский, а в некоторых регионах — арабский, а также монгольский и тюркский языки. Но в отличие от периода Сельджукидов в Хулагуидскую эпоху мы наблюдаем возрастание значения тюркского [Vasary 2016: 141] и в особенности монгольского языка, который был вовсе неизвестен в Иране до чингизидских завоеваний. Несмотря на малочисленность монголов на указанных территориях, монгольский язык имел высокий статус вплоть до падения династии Хулагуидов. Знание монгольского языка и уйгурской грамоты в значительной степени определяло карьерный рост того или иного лица в улусах Чингизидов [Allsen 2007: 102].

Особо выделим, что в Иране XIII–XIV вв. документы, адресованные оседлому населению, писались на персидском языке, если же они были адресованы кочевникам, то на монгольском или тюркском языках [Allsen 2007: 102].

Согласно публикуемому документу, в некоторые области державы ильханов (например, Ирак Арабский) указы направлялись на арабском языке. Особое значение в государстве ильханов приобретает тюркский язык или, как его условно определяет венгерский тюрколог И. Вашари, восточно-тюркский язык, в отличие от западно-тюркского (огузского) языка, который был наиболее распространенным среди кочевников Ирана в сельджукскую эпоху [Vasary 2016: 148]. При Джалаирах позиции тюркского языка еще более возрастают.

О роли битикчи и бахши в чингизидских канцеляриях

В Монгольской империи существовала определенная номенклатура канцелярских служащих, с соответствующими наименованиями и функциями. Письмоводством в ордынской канцелярии занимались битикчи¹. Очевидно этот термин заимствован монгольским языком из уйгурского языка и в XIII–XIV вв. был широко распространен даже в регионах с древними бюрократическими традициями (Иран, Китай). И. Т. Зограф отмечает, что в юаньских документах можно обнаружить монгольские лексические заимствования, в том числе лексему «бичэчи» [Зограф 1984: 42].

О писцах говорится и в так называемом словаре «Codex Cumanicus», составленном на территории Золотой Орды: «scriba – nuisenda – bacsı ul biticçi» [Codex Cumanicus 1981: 91]. Таким образом, в Золотой Орде начала XIV в. (предполагаемое время составления «Кодекса») писец обозначался словами «бахши» или «битикчи».

¹ О битикчи см. подробнее: [Абзалов 2013: 54–57].

Как видно, для обозначения писцов в чингизидских канцеляриях также использовалось слово «бакши»¹, так называли писцов, пришедших вместе с завоевателями, в дальнейшем его стали использовать и по отношению к местным писцам.

Словом «бахши» первоначально обозначали лиц буддийского духовенства и наставников². Позднее этот термин стал применяться по отношению к писцам тюрко-монгольского происхождения, составлявшим документы уйгурским письмом. И в Золотой Орде этот термин употреблялся в тех же значениях — служителя культа и писца вообще [Усманов 1979: 125]³. В то время как писцов, профилирующихся на подготовке документов арабским письмом (по-тюркски, по-персидски или по-арабски), называли катибами или мунши⁴.

Как следует из «Дастур ал-катиб», в центральных канцеляриях Ирана эпохи поздних Хулагуидов и ранних Джалаиридов существовало три высшие должности, связанные с письмоводством: писец монгольских указов (бахши), улуг битикчи и мунши. Бахши проходил по ведомству главного эмира улуса, выполнявшего военные и полицейские функции, тогда как улуг битикчи и мунши относились к ведомству везира, т. е. к гражданской администрации. Улуг битикчи отвечал за сбор и фиксацию в реестрах налоговых и иных поступлений в казну [Нахчивани 1976: 105–108 араб. паг.]. В ведении мунши находилась подготовка монарших указов и постановлений Великого Дивана, а также осуществление переписки ильханов с мусульманскими государями [Нахчивани 1976: 117–121 араб. паг.]. В канцелярии мунши документы составлялись на персидском и, по-видимому, на арабском языках.

Основным критерием для назначения на должность «монгольского секретаря» являлось знание монгольского и, очевидно, тюркского языка, а также владение уйгурской грамотой и хорошее знание монгольских или иначе чингизидских традиций. Ата-Малик Джувейни, подчеркивая значение уйгурского и монгольского языков, пишет: «Они считают уйгурский язык и письменность вершиной знания и учености» [Джувейни 2004: 6, 374]⁵.

В бытность существования Монгольской империи назначение представителей тюрко-монгольских племен на должность битикчи или бахши по ряду причин

¹ Древнетюркское слово *baqşy* (сказитель) имеет китайскую этимологию *pāk-ši // pāk-dzi* (мастер, учитель) [Баскаков 1987: 72]. По мнению В. В. Бартольда, термин «бахши» был заимствован из санскрита, и слово это появляется в восточнотюркском и персидском языке в монгольскую эпоху [Бартольд 1968: 501]. Следует отметить, что указанный термин применялся на Руси и в XVI в. в том же значении «писца», например: «писанная на Москве бакшеем Бурунтаем» [Малиновский 1863: 408].

² В этом значении находит свое применение и в золотоордынской берестяной рукописи [Поппе 1941: 83].

³ По замечанию В. В. Трепавлова, точно такую же комбинацию значений в XVI в. в русском языке имело слово «мулла». Мусульманские духовные лица, будучи грамотными, вели в некоторых тюркских государствах (например, в Ногайской Орде) дипломатическую переписку, и московские посольские дьяки видели в них своих коллег, отмечая: «молла – по-русски *дьяк*» (консультация В. В. Трепавлова).

⁴ Интересное исследование о восприятии института бахши в Московском государстве XV–XVI вв. и его эволюции было недавно опубликовано московским историком А. В. Беляковым [Беляков 2021].

⁵ При этом следует оговориться, что автор не владел ни уйгурским, ни монгольским языками.

было не частым¹, но не уникальным явлением [Рашид ад-Дин 1946: 43; Рашид ад-Дин 1952: 134].

Как правило, функции писцов в Монгольской империи исполняли уйгуры, но, естественно, они не являлись монополистами в сфере делопроизводства. Известны имена представителей и других центральноазиатских племен [Абзалов 2013: 50]. Например, Рашид ад-Дин пишет о Есу-Бука-тайши, сыне военачальника Джелмэ из племени урянкат: «Есу-Бука, которого называли тайши, — а тайши на китайском языке будет — ученый наставник [бахши] и великий учитель, — во время Угедей-каана совсем одряхлел, передвигался на повозке и имел слабый голос. По этой причине Угедей-каан называл его Есу-Бука-тайши, и [это] стало прозвищем» [Рашид ад-Дин 1952: 158].

У Рашид ад-Дина также упоминается китаец, возможно, киданин, Ярук-бахши, занимавшийся воспитанием Газана: «Когда ему [Газану] исполнилось пять лет, Абага-хан поручил его китайскому бахши Яруку, чтобы он его воспитал и обучил монгольскому и уйгурскому письму, наукам и хорошим их [бахшиев] приемам» [Рашид ад-Дин 1946: 140, 141].

Ограниченность источников не позволяет нам говорить о происхождении и племенной принадлежности Урук-бахши. Учитывая его имя и знание монгольского и, очевидно, тюркского языков, можно предположить, что его предки имели центральноазиатское или даже китайское происхождение и обосновались в Иране в результате монгольских завоеваний.

Дипломатический комментарий

Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани приводит образец ярлыка на персидском языке и в соответствии с персидскими делопроизводственными канонами [Busse 1991: 309]. Как было уже указано, Чингизиды использовали местные традиции, в том числе канцелярские, для организации управления в Иране. Исходя из того, что данный ярлык был адресован представителю монгольской элиты, можно утверждать, что он изначально писался на монгольском или же тюркском языке уйгурским письмом, соответственно должен был иметь формуляр, характерный для чингизидских официальных актов, структура которых, как известно, во многом зависела от языка документа [Григорьев 1978: 47].

В силу того, что мы имеем дело с формулярником, некоторые части документа в образце ярлыка не представлены [Каштанов 1970: 27; Busse 1991: 309–310]. В частности, Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани не включил в образец начальный и конечный протокол (хотя в некоторых списках рукописи «Дастур ал-катиб» можно обнаружить отдельные элементы конечного формуляра), а также некоторые компоненты основной части условного формуляра. В индивидуальном формуляре анализируемого документа выделяются: преамбула, наррация и диспозиция.

Начальный протокол монгольских документов включал в себя интитуляцию и инскрипцию, т. е. обозначение адресанта и адресата. В грамотах Чингизидов, написанных уйгурским, квадратным и китайским письменами, сакральные статьи в чистом виде отсутствовали [Григорьев 1978: 16]. Инвокация была

¹ Еще академик В. В. Бартольд писал, что «число монголов, способных занимать культурные должности, всегда было очень незначительно, и эти должности до конца владычества монголов оставались в руках уйгуров, персов и китайцев» [Бартольд 1968: 264].

обязательна для жалованных грамот, написанных арабским письмом жалователям-мусульманам [Григорьев 1978: 17].

В соответствии с чингизидскими канцелярскими нормами документ начинался интитуляцией. Адресант был связан с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом он мог иметь различные варианты. Содержание адресанта могло отражать конкретную политическую ситуацию или определенные политические предпочтения того или иного правителя. Например, адресант арабского письма Ахмеда Такудара от 1282 г. состоял из трех оборотов: «Всевышнего бога силою, великого хана благоденствием, Ахмада указ» (*Би-куввати-л-лахи таала би икбали кан фирман Ахмад*) [Григорьев 1978: 29], а мотивировочная статья на арабском языке персидской грамоты Газана имела следующий текст: «Всевышнего бога силою и мухамеданской религии благоденствием, султана Махмуда-Газана указ» (*Би-куввати-л-лахи таала ва майаиши-л-миллати-л-Мухаммедийа фирман султан Махмуд Газан*) [Григорьев 1978: 29].

Сохранились документы Газана, адресанты которых написаны на персидском языке: «Всевышнего бога силою и мусульманской религии благоденствием султана Махмуда-Газана указ» (*Би кувват-и худайе таала ва-майаман-и миллат-и Мухаммедй фарман-и султан-и Махмуд Газан*) [Григорьев 1978: 30]. В том случае, если документ писался на монгольском языке уйгурской графикой, то он имел традиционную для чингизидских канцелярий формулу «Слово наше (мое)» (монг. *Gasan üge manu*). Данная формула могла иметь некоторые вариации, которые определялись политическими притязаниями адресанта [Григорьев 1978: 30]. Интитуляционная формула «слово наше» также могла быть выражена и на тюркском языке уйгурским или арабским алфавитом «سیوزومیز», данная формула находит свое широкое распространение в персидском делопроизводстве.

Условный и абстрактный формуляр чингизидских актов также включал в себя инскрипцию, которая следовала за интитуляцией. В адресате представлен тот круг должностных лиц, который должен был принять официальный акт к исполнению, поэтому число его элементов могло варьироваться и располагались они в определенной иерархической последовательности [Григорьев 1978: 52–54].

В индивидуальном формуляре разбираемого образца ярлыка представлены в основной части: «эмирам, везирам, членам Великого Дивана, эмирам областей, туменов, тысяч, сотен, хакимам и мутасаррифам областей, сообществу воинов и кочевников Богохранимых владений»¹. Такое расположение отдельных компонентов адресанта может быть свойственно и чингизидским, в частности джучидским, документам (см. например: [Усманов 1979: 224–225]).

Переход от начального протокола к основной части документа, состоящей из преамбулы, нотификации, наррации, диспозиции и корроборации, производился посредством характерной для чингизидского делопроизводства арабским письмом формулы-оповещения «должны знать следующее» («بدانندکی»). В монгольских актах эта формула могла звучать следующим образом: «к совершенному постижению ярлык» (*dū[l] qaqui jarliq*) [Григорьев 1978: 34]².

¹ Здесь и далее по тексту анализируемый документ цитируется по переводу с персидского оригинала на с. 137–139 настоящей статьи, за исключением особо оговоренных случаев цитирования по параллельному переводу Й. фон. Хаммера-Пуршталя.

² О формуле-оповещении на тюркском языке см.: [Усманов 1979: 229–230].

В индивидуальном формуляре анализируемого нами документа следует выделить преамбулу (аренгу), характерную для персидского делопроизводства: «Поскольку [нас] коснулись совершенные милости и благодеяния Вечного и Великого [Бога] — да не иссякнут блага Его и да святятся имена Его! — и области Ирана перешли в сферу [нашего] владения и обладания, все [наши] государевы помыслы [о благе подданных] охватили все сословия рабов [Божьих] вплоть до самых отдаленных областей и провинций, и относительно их (подданных) воспоследовали [наши] многие милости и пожалования».

Весьма пространной в анализируемом документе является и наррация, которая так же, как и преамбула, включается в основную часть формуляра ярлыка: «Одним из этих мероприятий мы полагаем издание указов к каждому народу на его языке с тем, чтобы они легко понимали его содержание. В частности, указы, [направляемые] в Город мира Багдад и иные местности Ирака Арабского издаются на арабском языке, [указы,] направляемые иранским племенам в области Джибалия и провинции Персии должны прибывать на персидском языке. Монгольским и тюркским племенам указы также должны направляться на их языках и письменах с тем, чтобы они с легкостью могли их понять. К ним следует обращаться на их языке. Поскольку Урук-бахши [происходит] из их (монголов и тюрков) старинных и знаменитых бахшиев и битикчиев, и он постоянно находился на службе у счастливых султанов и славных государей, занимаясь в их канцеляриях составлением монгольских указов, должным образом владея правилами и тонкостями этого [дела], занимался написанием [указов на монгольском языке], сделал облачением своей судьбы надежность, набожность, правдивость слов, точность письма, богобоязненность и отсутствие алчности».

Здесь наблюдается проявление старой арабо-персидской традиции, которая выражается в использовании изящных словесных формул и эпитетов, порой граничащих со славословием, что было не свойственно собственно монгольской канцелярской культуре: «Ввели они [Чингизиды] еще один похвальный обычай, закрыв двери чиновничества, похвальбы титулами, крайнего высокомерия и недоступности, кои обычны у удачливых и могущественных. Когда один из них восходит на ханский престол, то ему добавляют одно имя — хан или каан, и только, и более ничего не пишут [в официальных документах], а сыновей его и братьев зовут теми именами, что даны им при рождении, в лицо и за глаза, и это правило установлено как для простолюдинов, так и для знати. И так же, когда пишут обращения в письмах, пишут только одно имя, не делая различия между султаном и простолюдином; и излагают только суть дела, избегая излишних званий и выражений» [Джувейни 2004: 20].

Диспозитивная часть выражает сущность акта, в нашем случае она определяется назначением на должность по «заведыванию делом написания монгольских указов» Урук-бахши. В этой части документа также обозначаются должностные обязанности писца, в связи с чем диспозиция рассматриваемого документа представляется весьма пространной. В завершении диспозиции даются указания для адресата или должностных лиц, что в целом свойственно персидской делопроизводственной традиции [Busse 1991: 309].

В условном формуляре вслед за диспозицией, как правило, следовала санкция, но в индивидуальном формуляре данного образца ярлыка она не пред-

ставлена. Очевидно, это объясняется тем, что мы имеем дело лишь с образцом документа. Например, в золотоордынских актовых материалах переход от диспозиции к санкции, как правило, оформлялся оборотами-запретами обобщающего характера: «с какой бы то стороны пусть не чинят им вред и притеснения», «с какой бы то стороны не чинят насилие» [Усманов 1979: 247].

Говоря о санкциях, следует обратить внимание на сохранившиеся в пайцзах наиболее лаконичные и консервативные формулировки санкций на монгольском языке [Крамаровский 2002: 213–224].

Очевидно, такие формулы санкции применялись лишь на документах, написанных уйгурским письмом, в то время как в актах, адресованных мусульманским поданным или же написанных арабским письмом на персидском и арабском языках, они могли иметь религиозную окраску и более пространную формулировку [Рашид ад-Дин 1946: 275, 285].

В рассматриваемом нами документе также не представлена корроборация, которая завершала основную часть документа. В грамоте Абу-Саида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке уйгурицей, корроборация выражена в следующей форме: «С золотой пайцзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (*Altan gerege al tamyatai jrly soyurqju ögbei*) [Григорьев 1978: 67].

Эсхатокол документов чингизидских канцелярий должен был содержать указание даты и места выдачи. В отдельных списках образца ярлыка «О вверении должности писца указов на монгольском языке бахшиям» можно обнаружить один из элементов конечного протокола в форме: «Писано в ...» [Тизенгаузен: 227–228].

Рашид ад-Дин в приводимых им списках фирманов Газана обозначает эту часть документа следующим условным образом: «Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте» [Рашид ад-Дин 1946: 285].

При Чингизидах в персидскую делопроизводственную практику внедряется тюрко-монгольский календарь: «Введение и использование китайско-уйгурского календаря в Иране было одним из аспектов монгольского правления и символизировало новый этап иранской истории: временное затмение исламского правления и появление новой имперской власти с ее новым календарем и системой правления» [Vasary 2016: 150]. В Иране эта традиция была весьма устойчивой и сохранялась вплоть до прихода к власти династии Пехлеви (1925–1979).

Конечный протокол чингизидских актов также мог включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления. Очевидно, в нашем случае оно должно было включать указание писца-исполнителя [Busse 1991: 310].

В канцелярской культуре Чингизидов также прослеживается практика помещения удостоверяющих надписей на обороте документа. Так, на обороте письма ильхана Мухаммеда Худабанда Олджейту королю Франции (от 1305 г.) имеется три строки текста, один на персидском языке арабской графикой «султану франков» (سلطان فرنج) и два других, на монгольском языке уйгурским письмом: «Писал Тачма. Это заверили Кутлук-шах, Чубан, Севинч» (*Tačm-a bičibe üjig inu Qutluγ š-a Čuban Sewinč*) [Cleaves 1951: 508].

Можно предположить, что такая практика была введена при Чингис-хане или же Угедэе. Увеличение документооборота требовало усиления контроля и наложение ответственности за подготовленный документ, при этом битикчи и

бахши, а также ходатаи могли выступать свидетелями при разрешении дела, связанного с выдачей данного ярлыка. Удостоверительные надписи на уйгурской графике могли использоваться и в случае написания документов на других языках: «Что касается [документов], имеющих распространение в погибших государствах — среди северных китайцев, киданей и чжурчжэней, — то применяется только китайская письменность. Ведает ими Ила Чу-цай. Однако еще в конце документа перед датой Чжэньхай собственноручно пишет уйгурские буквы, которые гласят: „Передать тому-то и тому-то“. Это, вероятно, является специальной мерой предосторожности против Чу-цай, и поэтому непременно производится засвидетельствование [документа] при помощи уйгурских букв. Если этого нет, то [он] не является документом (т. е. не имеет законной силы)» [Хэй-да ши-люе 1960: 142].

Надписи на обороте документа могли выражать краткое содержание акта на монгольском языке [Cleaves 1953: 478–486], что позволяло лицам, не владевшим языком, на котором был выполнен документ, иметь общее представление о нем, помимо всего прочего в связи с возрастанием документооборота такие пометки могли ускорить делопроизводственный процесс: «[Государь] сделал и малую золотую тамгу, которую проставляют на казенных и областных бератах, приемных расписках, расчетных документах и диванских грамотах, которые пишут по поводу сделок, воды и земли. После того как согласно царскому приказу битикчи дивана их напишут и они [уже] помечены [вышеуказанными знаками], на обороте их пишут по-монгольски краткое содержание, чтобы на нем проставить ту тамгу» [Рашид ад-Дин 1946: 276].

Об этом же говорится и в анализируемом нами документе. В основной части разбираемого ярлыка при характеристике обязанностей бахши особо обговариваются навыки подготовки краткого содержания акта на обороте документа: «Содержание указов, написанных эмирам областей, тем, тысяч, сотен и другим [адресатам] по разным делам, пусть записывает на обороте ярлыков в сокращенных выражениях так, чтобы ни одна деталь из содержания указа не была упущена, дабы при ознакомлении с ним становилась понятной его суть».

Формулярный анализ образца ярлыка на назначение монгольского секретаря позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной части документа и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику преамбулы, наррации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы основной части, а именно — корроборацию и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов, хорошо известных каждому писцу-делопроизводителю, начального и конечного протоколов. Но исходя из того, что ярлык был в первую очередь адресован представителям монгольской элиты, он должен быть подготовлен на монгольском или тюркском языке в соответствии с типовым формуляром, принятым в чингизидской делопроизводственной культуре.

Историко-правовой комментарий

Ярлык выдан некоему Урук-бахши, который назначается на должность писца (битикчи) указов на монгольском языке. В соответствии с формуляром подобного рода документов о назначении на должности составитель ярлыка подробно обосновывает причины назначения. Формальной причиной назначе-

ния является отмеченная в ярлыке необходимость доведения воли правителя до всех подданных на их родных языках «с тем, чтобы они легко понимали их содержание», включая «монгольские и тюркские племена».

Второй довод — именно в пользу назначения бахши именно конкретного лица — содержит описание его качеств. Одни из них можно охарактеризовать как личные: монгольское происхождение, принадлежность к роду «старинных и знаменитых бахшиев и битикчиев», «надежность, набожность, правдивость слов, точность письма, богобоязненность и отсутствие алчности». Другие же являются уже профессиональными: опыт службы в канцелярии «у счастливых султанов и славных государей», где он, собственно, и освоил искусство составления документов на монгольском языке.

Согласно ярлыку, Урук-бахши поручается «заведование делом написания монгольских указов», т. е., несомненно, речь идет о повышении его в должности с простого писца, каковым он был, согласно преамбуле документа, до старшего (в варианте перевода Й. фон Хаммер-Пуршталя прямо предписывается, чтобы Эзук (Урук) «возглавил ведомство»).

На высокий статус чиновника указывает также тот факт, что указ о его назначении адресован самому широкому кругу должностных лиц, начиная с самых высших: «эмирам, везирам, членам Великого Дивана, эмирам областей, туменов, тысяч, сотен, хакимам и мутасаррифам областей, сообществу воинов и кочевников Богохранимых владений». В данном списке обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с представителями власти, для которых бахши должен был составлять монгольские версии указов (эмиры областей и прочие военачальники, а также «воины и кочевники»), фигурируют также представители мусульманских управленческих структур, в частности хакиды и мутасаррифы (наместники административных единиц разного уровня). Это наглядно подтверждает интеграцию тюрко-монгольской и мусульманской управленческой традиции в Иране XIII–XIV вв.

К сожалению, нам очень мало известно об административных структурах государства ильханов и, соответственно, о месте в них бахши и битикчи. Имеются сведения о том, что они являлись секретарями при сахиб-диване, т. е. главе высшего органа власти (дивана), и при набах — главах региональных администраций [Hope 2016: 119; Lane 2011: 256].

Вероятно, в данном случае речь идет о том, что Урук-бахши возглавил специальное подразделение дивана, в обязанности которого входило составление указов на монгольском языке. Наличие подобных структурных подразделений имелось, вероятно, во всех чингизидских государствах, однако наиболее подробные сведения о них имеются только применительно к империи Юань в Китае, где существовали самые разные ведомства, в чью компетенцию входили дела монголов, — Монгольская академия, Верховный суд для монголов, ведомство по делам монгольских пастбищ и т. д. (см. подробнее: [Farquhar 1981: 29, 30, 33, etc.]).

Помимо перечисления профессиональных функций новоназначенного чиновника, его «должностная инструкция» содержит также ряд дополнительных обязанностей, отражающих степень ответственности в рамках порученной ему должности. Так, ему предписывается проявлять «присущую ему непоколе-

бимость» и составлять на основе полученных черновых материалов указы «с совершенным вниманием и по тщательном обдумывании». Также Урук-бахши предписывается отвергать требования тех представителей монгольского населения или знати, которые станут «склонять или побуждать к написанию того, что несовместимо с [соблюдением] справедливости, ясы и ясака»¹.

Более того, ему приказано докладывать о подобного рода правонарушениях непосредственно «нашему величеству», что лишний раз подчеркивает высокий статус лица, которому был выдан этот ярлык. Как видим, следование принципам Великой Ясы, т. е. установлений Чингис-хана, применявшихся и в Монгольской империи, и в улусах Чингизидов, находит отражение и в столь специфической профессиональной деятельности, как работа писца. Тот факт, что в Иране наравне с мусульманским правом применялись установления Чингис-хана, подчеркивает значимость монгольского кочевого элемента в социально-политической жизни государства ильханов и в полной мере объясняет необходимость «монгольских указов», подготовка которых возлагалась на компетентных специалистов.

Из должностных предписаний новоназначенному писцу следует, что в его обязанности входило написание распорядительных документов для сведения представителей монгольского военного командования — «эмирам областей, туменов, тысяч, сотен», равно как «другим»².

Кроме того, ярлык подтверждает отсутствие денежного жалования у представителей чиновничьего аппарата [Почекаев 2015: 256–265], поскольку в нем прямо предписывается Урук-бахши как можно качественнее выполнять свои должностные обязанности — «дабы изо дня в день [наше] благоволение ему не прерывалось, и он, если будет на то воля Аллаха Всевышнего, удостоился [наших] особых пожалований»³.

Подобного рода вознаграждение прямо фигурирует в документе как «оговоренная пошлина за письмоводство».

Ниже в ярлыке, правда, упоминается, что регулярная выплата в пользу Урук-бахши из государственной казны: «пусть ему ежегодно в качестве жалования выплачивается сумма во столько-то динаров из основных поступлений Дивана», но составитель ярлыка тут же сам оговаривает, что она передается ему лишь для того, «дабы он тратил ее на свои потребности», т. е. приобретал чернила, бумагу и пр. — как мы и отметили, речь не идет о регулярном жало-

¹ Парное сочетание «яса и ясак» представляет большой интерес с точки зрения изучения права государств Чингизидов. Дело в том, что до сих пор в средневековых источниках нам встречались аналогичные сочетания «тура и яса» (т. е. старинное «государственное право» кочевых народов Великой степи и монгольское имперское законодательство) [СМИЗО 1941: 133, 143] и «йосун и яса» (т. е. монгольское обычное право и имперское законодательство) [Норе 2016: 56, 71, 81, 116, 125], но не «яса и ясак». Не проливают свет на различия в этих терминах и словари, в которых «ясак» применительно к монгольской эпохе XIII–XIV вв. рассматривается как синоним «ясы», т. е. как право, порядок, справедливость и пр. (см., напр.: [Doerfer 1975: 71–82]). Таким образом, вопрос о значениях двух данных терминов и причинах употребления их в связке остается пока открытым и, возможно, прояснится в ходе дальнейшего исследования документов из «Дастур ал-катиб».

² Стандартный для монгольских ярлыков оборот, в котором после перечисления конкретных обладателей должностей обязательно включался компонент «все».

³ В переводе Й. фон Хаммер-Пуршталя приведен специальный термин «суюргамиши», т. е. пожалование, дар.

вании чиновника. Любопытно, что в ярлыке предусматривается возможность получения этой суммы из собранных налогов, т. е. еще до того, как она попала в казну ильханов: «Если он захочет, пусть эта сумма будет назначена ему из какого-либо [определенного] места, откуда в Диван осуществляются поступления, или из тамги, и ему с этих статей дохода осуществляются [прямые] ежегодные выплаты, минуя Диван». Тем самым монархи и высшие сановники избавлялись от необходимости неоднократного перемещения денежных средств и могли более объективно оценить собранные средства, без учета необходимости тратить эту сумму на нужды монгольских писцов.

Однако статус новоназначенного писца предусматривал не только обязанности, но и права: все подданные Ильханата, начиная с простых воинов и сельских жителей и заканчивая эмирами и везирами, а также руководство диванов, должны были оказывать ему «почести и уважение» и не вмешиваться в действия, которые он предпринимал в соответствии со своими должностными обязанностями.

Весьма интересным представляется следующий пассаж: «Если он, вследствие преклонных лет и наступления старости, в некое время отойдет от службы в канцелярии... и составления указов, любого из его сыновей или иных [лиц], определенных им своим преемником, пусть считают заместителем, исполняющим обязанности и заступившим в должность [Урук-бахши], и в случае необходимости составления указов считают обязательным обращаться к нему». Это свидетельствует о том, что не только в мусульманской бюрократической традиции, но и среди чиновников, пришедших в Иран с монгольскими завоевателями, существовали целые династии, в которых должности и связанные с ними права и обязанности могли передаваться от отца к сыну.

До сих пор мы имели дело исключительно с династиями представителей тюрко-монгольской родоплеменной аристократии, которые из поколения в поколение занимали высшие административные и военные посты в чингизидских государствах [Почекаев 2015: 91–108], теперь же мы с полным основанием можем утверждать, что этот принцип распространялся и на чиновников среднего звена, по происхождению не принадлежавших к кочевой знати.

Выводы

Проведенное исследование, полагаем, позволяет сделать вывод, что монгольский язык в Иране эпохи Хулагуидов и Джалаириров играл важную роль, будучи одним из официальных языков делопроизводства и взаимодействия с отдельными группами населения, включая кочевую родоплеменную элиту и военное командование. Об этом свидетельствует наличие в управленческой структуре специальных чиновников, в обязанности которых входил именно перевод официальной документации (ханских указов, приказов и иных актов) с персидского языка на монгольский, причем, судя по всему такие должности могли передаваться по наследству. Все это подтверждает сохранение в Иране традиций Монгольской империи, с которыми местные правители — Хулагуиды (прямые потомки Чингис-хана) и сменившие их Джалаириры (претендовавшие на правопреемство от Хулагуидов, в том числе и на основании кровного родства с ними по женской линии), связывали легитимность своего правления в этом государстве.

Исходя из вышеупомянутого упоминания значительных сходств между Монгольским Ираном и другими государствами Чингизидов в сфере власти и управления, правового регулирования, традиций делопроизводства и пр., можно допустить, что в них действовала языковая политика, аналогичная политике ильханов, сведения о которой получены при исследовании образца ярлыка из «Дастур ал-катиб». Однако для проверки данной гипотезы следует больше внимания уделить поиску и анализу документов золотоордынского и чагатайского происхождения, которые могли бы более обоснованно подтвердить ее.

Источники

Тизенгаузен — *Тизенгаузен В. Г.* Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 52. Ед. хр. 14–16. Л. 217–239.

Sources

Tiesenhausen V. G. An Excerpt from One Treatise by Muhammad Hindushah Nakhchivani. Manuscript translation. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Archive of Orientalists. Coll. 52. Item no. 14–16. Pp. 217–239. (In Russ.)

Литература

- Абзалов 2013 — *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. Казань: Татарское кн. изд-во, 2013. 311 с.
- Аннинский 1940 — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Вып. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–113.
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 759 с.
- Баскаков 1987 — *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркском языке // Советская тюркология. 1987. № 5. С. 69–75.
- Беляков 2021 — *Беляков А. В.* *Бакшеи* — эволюция понятия // Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 60–71.
- Бобровников 1861 — *Бобровников А. А.* О монгольских надписях на русских актах (письмо к В. В. Вельяминову-Зернову). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1861. 17 с.
- Гатин 2009 — *Гатин М. С.* Проблемы истории Улуса Джучи и поздnezолотоордынских государств в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань: Хэтер, 2009. 343 с.
- Греков, Якубовский 1950 — *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
- Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 136 с.
- Гулиев 2009 — *Гулиев А.* Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани // IRS Наследие. 2009. № 5 (41). С. 22–23.
- Джувеини 2004 — *Джувеини Ата-Мелик.* Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини / пер. с перс. Дж. Э. Бойла, пер. с англ. на рус. Е. Е. Харитоновой. М.: Магистер-Пресс, 2004. 689 с.
- Зограф 1984 — *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольских канцелярий в Китае. М.: Наука, 1984. 148 с.
- Карпини 1997 — *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов / пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., комм. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.
- Каштанов 1970 — *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 229 с.
- Крамаровский 2002 — *Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический

- сборник – 2001. Золотая Орда и ее наследие / редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.), В. В. Трепавлов, Д. М. Исхаков. М.: СПФ ИВ РАН; Вост. лит., 2002. С. 213–224.
- Малиновский 1863 — *Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими Великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями с 1462 по 1533 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. С. 178–419.
- Мелиоранский 1900 — *Мелиоранский П.* О Кудатку Биликке Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1900. Т. XIII. С. 015–023.
- Мункуев 1965 — *Мункуев И. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.
- Нахчивани 1976 — *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани.* Даstur ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
- Описи царского архива 1960 — Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М.: Вост. лит., 1960. 195 с.
- Пириев 1988 — *Пириев В. З.* О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джалаиридах (по материалам «Даstur ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 197–203.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. Т. II. М.; Л., 1941. С. 81–137.
- Почекаев 2015 — *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
- Рашид ад-Дин 1946 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. П. П. Иванов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Султанов 2017 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017. 448 с.
- Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
- Усманов 2009 — *Усманов М. А.* Делопроизводство и канцелярская культура // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 658–667.
- Харькова 1992 — *Харькова С. С.* Тюркские заимствования в монгольских языках как следствие билингвизма их носителей // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды междунар. конф.: в 3 т. Т. I / редкол.: М. Х. Хасанов (пред.) и др. Казань; М.: НПО «Инсан», 1992. С. 163–165.
- Хатиби 1985 — *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Гылым, 1985. 134 с.
- Хэй-да ши-люе 1960 — Хэй-да ши-люе (= «Краткие сведения о черных татарах») Пэн Да-я и Сюй-Тина / публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
- Языков 1825 — *Языков Д. И.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях: 1. Плано Карпини; 2. Асцелин. СПб.: Тип. Деп. нар. просвещения, 1825. 309 с.

- Allsen 2007 — *Allsen T.* Some Remarks on the Language Situation Under the IlQans. *Mongol Studies*. Улаанбаатар: Бемби сан, 2007. Pp. 98–107.
- Busse 1991 — *Busse H.* Diplomatique. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol. 2. Pp. 301–313.
- Cleaves 1951 — *Cleaves F. W.* A chancellery Practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 496–504.
- Cleaves 1953 — *Cleaves F. W.* The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *HJAS*. 1953. Vol. 16. № 3/4. Pp. 478–486.
- Codex Cumanicus 1981 — *Codex Cumanicus*. Edit. by G. Kuun with the prolegomena to the *Codex Cumanicus* by L. Ligetti. Budapest: Magyar Tudományok Akademia Konyvtar, 1981. 396 p.
- Doerfer 1975 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. 676 s.
- Farquhar 1981 — *Farquhar D. M.* Structure and Function in the Yuan Imperial Government // *China under Mongol Rule* / Ed. by J. D. Langlois. Princeton: Princeton University Press, 1981. Pp. 25–55.
- Hammer-Purgstall 1840 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.
- Hammer-Purgstall 1842 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Ilchane. Das ist der Mongolen in Persien. Bd. I. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1842. 435 s.
- Hammer-Purgstall 1843 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Ilchane. Das ist der Mongolen in Persien. Bd. 2. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1843. 380 s.
- Hammer-Purgstall 1856 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft aus Türkischen Quellen. Wien: K. K. Hof- und Staatsdruckerei, 1856. 262 s.
- Haw 2014 — *Haw S. G.* The Persian Language in Yuan-Dynasty China: a Reappraisal. *East Asian History*. 2014. Vol. 39. Pp. 5–32.
- Hope 2016 — *Hope M.* Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p.
- Lane 2011 — *Lane G. E.* The Mongols in Iran. *The Oxford Handbook of Iranian History*. Ed. by T. Daryaee. Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 243–270.
- Mamedova 2016 — *Mamedova M. H.-k.* The role of Hindushah Nakhchivani and his son Mahammad Ibn Hindushah Nakhchivani in the formation and development of Persian Lexicography // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities* (24), 2, 2016. Pp. 98–105. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-98-105
- Roemer 1952 — *Roemer H. R.* Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des 'Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952. VIII + 224 s.
- Vasary 2016 — *Vasary I.* The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians. *Interactions in Language and History*. Bd. 105 / ed. by É. Á. Csató, L. Johanson, A. Róna-Tas, B. Utas. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 141–152.

References

- Abzalov L. F. *The Golden Horde Chancellery*. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2013. 311 p. (In Russ.)
- Allsen T. Some remarks on the language situation under the Il-qans. In: *Mongol Studies*. Ulaanbaatar: Bembi San, 2007. Pp. 98–107. (In Eng.)
- Anninsky S. A. Messages by 13th–14th century Hungarian missionaries on Tatars in Eastern Europe. In: *Historical Archives*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. Vol. 3. Pp. 71–113. (In Russ.)
- Bartold V. V. *Complete Works*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russ.)

- Baskakov N. A. Chinese loanwords in Turkic discourse revisited. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1987. No. 5. Pp. 69–75. (In Russ.)
- Belyakov A. V. Baksheys: Evolution of the concept. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 60–71. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. Revisiting Handwritten Mongolian Notes on Russian Documents: A Letter to Vladimir V. Velyaminov-Zernov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1861. 17 p. (In Russ.)
- Busse H. Diplomatie. Perse. In: *Encyclopedie de l’Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol. 2. Pp. 301–313. (In Fr.)
- Carpine G. da P. del. Ystoria Mongalorum. A. Malein (transl.). In: *Journeys to the Eastern Parts*. M. Gornung (foreword, comment.). Moscow: Mysl, 1997. Pp. 30–85. (In Russ.)
- Cleaves F. W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 496–504. (In Eng.)
- Cleaves F. W. The anonymous scribal note pertaining to the *Bičig* of Ötemiš. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953. Vol. 16. No. 3/4. Pp. 478–486. (In Eng.)
- Codex Cumanicus. G. Kuun (ed.), L. Ligeti (introd.). Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 1981. 396 p. (In Eng.)
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Vol. IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. 676 p. (In Germ.)
- Farquhar D. M. Structure and function in the Yuan imperial government. In: Langlois J. D. (ed.) *China under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1981. Pp. 25–55. (In Eng.)
- Gatin M. S. The Ulus of Jochi and Late Golden Horde States in 19th–20th German Historiography. Kazan: Kheter, 2009. 343 p. (In Russ.)
- Grekov B. D., Yakubovsky A. Yu. The Golden Horde and Its Collapse. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 479 p. (In Russ.)
- Grigoriev A. P. The 13th to 15th Century Diplomacy of Mongols: Revisiting Grant Charters Issued by Genghisids. Leningrad: Leningrad State University, 1978. 136 p. (In Russ.)
- Guliev A. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *IRS Nasledie*. 2009. No. 5 (41). Pp. 22–23. (In Russ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben’s Verlag, 1840. 683 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Ilchane, das ist: der Mongolen in Persien. Vol. I. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1842. 435 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Ilchane, das ist: der Mongolen in Persien. Vol. 2. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1843. 380 p. (In Germ.)
- Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft aus Türkischen Quellen. Wien: K. K. Hof- und Stattsdruckerei, 1856. 262 p. (In Germ.)
- Haw S. G. The Persian language in Yuan-dynasty China: A reappraisal. *East Asian History*. 2014. Vol. 39. Pp. 5–32. (In Eng.)
- Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p. (In Eng.)
- Ivanov P. P. (ed.) The Golden Horde: Collected Historical Materials. Vol. II: Excerpts from Persian Texts Collected by V. Tiesenhausen and Handled by A. Romaskevich and S. Volin. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Juvayni A.-M. Genghis Khan: The History of the World Conqueror. J. Boyle (Pers.-to-Eng. transl.), E. Kharitonova (Eng.-to-Russ. transl.). Moscow: Magister-Press, 2004. 689 p. (In Russ.)
- Kashtanov S. M. Essays on Russian Diplomacy. Moscow: Nauka, 1970. 229 p. (In Russ.)
- Kharkova S. S. Turkic loanwords in Mongolic languages to have resulted from bilingualism of speakers. In: Khasanov M. Kh. Et al. (eds.) *Languages, Spiritual Culture and History*

- of Turks: Traditions and Contemporaneity. Conference proceedings. In 3 vols. Vol. I. Moscow: Insan, 1992. Pp. 163–165. (In Russ.)
- Khatibi S. Socioeconomic History of Khorasan, 13th–14th Centuries: Persian Documentary Sources Reviewed. Ashkhabad: Gylym, 1985. 134 p. (In Russ.)
- Kramarovskiy M. G. The early Mongols and symbols of power: Golden Horde paizas as a phenomenon of official culture. In: Klyashtorny S. G., Trepavlov V. V., Iskhakov D. M. (eds.) *Turcologica. The Golden Horde and Its Heritage*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. Pp. 213–224. (In Russ.)
- Lane G. E. The Mongols in Iran. In: Daryaei T. (ed.) *The Oxford Handbook of Iranian History*. Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 243–270. (In Eng.)
- Malinovsky A. F. A historical and diplomatic collection of affairs between Grand Princes of Russia and Crimean Tatar Rulers, 1462 to 1533. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1863. Vol. V. Pp. 178–419. (In Russ.)
- Mamedova M. H. The role of Hindushah Nakhchivani and his son Mahammad Ibn Hindushah Nakhchivani in the formation and development of Persian lexicography. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities (Oriental Studies)*. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 98–105. (In Eng.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-98-105
- Melioransky P. About Kutadgu Bilig of Genghis Khan. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1900. Vol. XIII. Pp. 015–023. (In Russ.)
- Munkuev I. Ts. The Inscription at Yelü Chucai's Tomb: One Chinese Source on the First Khans of Mongols Revisited. Moscow: Nauka, 1965. 224 p. (In Russ.)
- Nakhchivani M. ibn H. A Scribe's Guide to Determining Ranks. A. Ali-zade (text, foreword, etc.). Vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Russ.)
- Peng Dai, Xiu Ting. Brief Accounts of the Black Tatars (*Hei-ta shih-lüeh*). Ling Kyung-i, N. Munkuev (text, comment.). *Problemy vostokovedeniya*. 1960. No. 5. Pp. 133–158. (In Russ.)
- Piriev V. Z. Some aspects of administrative structures under the Hulaguids and Jalairids revisited: A case study of *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe's Guide to Determining Ranks) by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. In: Primakov E. M. (ed.) *Oriental Studies in the Soviet Union: Problems and Prospects*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 197–203. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Legal Culture of the Golden Horde: Essays in the History of Law. Moscow: Yurlitinform, 2015. 312 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. One birch bark manuscript from the Golden Horde era reviewed. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1941. Vol. II. Pp. 81–137. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. I. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 222 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. II. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. III. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1946. 340 p. (In Russ.)
- Roemer H. R. Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des ‘Abdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung. Persischer Text in Faksimile Hans Robert von Roemer. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1952. VIII + 224 p. (In Germ.)
- Schmidt S. O. (ed.) Archives of Tsars and Ambassadorial Prikaz: The 16th Century and 1614 Inventories, Respectively. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 195 p. (In Russ.)
- Sultanov T. I. Genghis Khan and Genghisids: Destinies and Power. St. Petersburg: Evraziya, 2017. 448 p. (In Russ.)
- Usmanov M. A. Records management and chancellery culture. In: *Tatar History*. Vol. III: Ulus of Jochi (Golden Horde), 13th to Mid-15th Centuries. Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2009. Pp. 658–667. (In Russ.)

- Usmanov M. A. The Ulus of Jochi, 14th–16th Centuries: Grant Charters. Kazan: Kazan State University, 1979. 318 p. (In Russ.)
- Vásáry I. The role and function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran. In: Csató É. Á., Johanson L, Róna-Tas A., Utas B. (eds.) *Turks and Iranians: Interactions in Language and History*. (Turcologica 105.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Pp. 141–152. (In Eng.)
- Yazykov D. I. *Collected Travels to Tatars and Other Eastern Peoples in the 13th, 14th, and 15th Centuries: 1. Pian del Carpine; 2. Ascelin of Lombardy*. St. Petersburg: Department of National Education, 1825. 309 p. (In Russ.)
- Zograf I. T. *Mongolian-Chinese Interference: The Language of Mongolian Chancelleries in China*. Moscow: Nauka, 1984. 148 p. (In Russ.)